

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

⁴ См. Fr.Ed.Bailey , British policy and the Turkish reform movement , Cambridge , 1942, p.274; Н.Милев , Réchid pacha et la reforme ottomane , - "Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte", Bd.II, Hf.3, Berlin, 1912, p.393.

⁵ Текст уложения см. R.Каунар, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, Ankara, 1954, s.303-313.

⁶ Ed. Engelhardt, указ.соч.,с.109; М.А. Ubicini ,указ. соч.,с.172-173.

С.Г.Кляиторный

ОБРАЗ КАГАНА В ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Среди древнетюркоких рунических памятников Центральной Азии главное место по праву занимают эпитафии Бильге-кагану (735 г.), Киль-тегику (732 г.) и надпись Тонькука (около 725 г.), открытые в бассейне р.Орхон. Анализ этих сравнительно крупных текстов как исторического источника, начатый В.В.Бартольдом, Й.Марквартом, П.М.Меллиоранским, П.Пельо и продолженный многими другими исследователями, осуществлялся а) сопоставлением орхонских надписей с независимыми от них группами источников (византийскими, арабскими, персидскими, согдийскими, китайскими, тибетскими, хотано-оаокскими, тохарскими) и б) посредством выявления закономерностей изложения самого древнетюркокого текста. Новые возможности для историографической интерпретации надписей открывает еще мало освоенный прием - функциональный анализ типических образов надписей, первым из которых является образ кагана.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюркского племенного союза. Таким социальным идеалом выступает в надписях "вечный эль народа тюрков", созданная тюрками раннефеодальная империя. Гарантом благополучия "вечного эля" был избранный Небом каган, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и "всего народа".

Имя кагана выступает как эпоним ("в эде Ильтерин-кагана", "в эде Бильге-кагана") и как синоним названия государства ("земля Капаган-кагана"). Ради "тюркского эя" каган должен "приобретать (т.е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения", ради "народа тюрков" он должен "не спать ночей и не сидеть (без дела) дней". Война и мир, битва и союз - все решается по воле кагана для благоденствия "тюркского эя".

Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает и расселяет тюрков в "стране Отюкен", т.е. на коренной территории "народа тюрков"; г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам). Главным преступлением "народа" против кагана и "вечного эя" была откочевка на другие земли, т.е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил отделение=откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено "собрание" и "устроение" народа на подвластной кагану земле, т.е. создание политической организации, системы подчинения.

Более детальный анализ действий кагана в орхонских надписях несомненно добавит к образу тюркского правителя многие другие черты, определяющие его положение в общественной и государственной системе. Однако, важно установить, подчинялась ли характеристика кагана в тексте заранее определенному идеалу, например, идеалу мудрого и смелого правителя, что полностью или отчасти искажает подлинные черты изображаемого лица, или же описание следовало в каждом случае установке автора надписи.

В орхонских памятниках упоминаются две плеяды каганов - древние каганы и каганы=современники создателей памятников. Из древних каганов двое, Бумын и Истеми, родоначальники династии и создатели империи, изображаются как великие завоеватели, добывшие тюркскому эю земли и богатства. Таким же образом изображают этих каганов византийские, арабские и китайские исторические сочинения. Относительно всех других древних каганов в надписях говорится нечто совершенно противоположное: "После них (т.е.

после Бумына и Истеми - С.К.) стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели на царство трусливые каганы" (Памятник в честь Кюль=тегина, большая надпись, стк. 4-5. Пер. С.Е.Малова). Противопоставление "мудрых" и "неразумных", "смелых" и "трусливых" каганов, сделанное через полтора столетия после описываемых событий, полностью соответствует историческим результатам правления наследников Бумына и Истеми (длительная кровавая междоусобица, развал и гибель тюркского эля) и свидетельствует о причастности автора надписи к наличествующей в государстве историографической традиции.

Из "новой" плеяды каганов упомянуты трое - Ильтерис, его младший брат Капаган и сын Ильтериса Бильге. Деятельность Ильтериса, основателя новой династии и второго каганата, в двух текстах из трех оценивается в панегирических тонах. А в надписи Тоньюкука он представлен совсем иначе - это деятельный, но отнюдь не мудрый каган, обязанный всеми успехами своему советнику; более того, и каганом он стал по выбору Тоньюкука. Образ следующего кагана, Капагана, еще более противоречив. Наряду с выражениями, вполне пристойными для характеристики царствующей особы и близкого родственника кагана, орхонские надписи прямо намекают на политическую неполноценность предшественника Бильге=кагана. Он - единственный из "новых" каганов, который не был избран Небом, а сам "сел на царство" без божественной санкции. О времени его правления прямо сказано: "Тогда в Отжкенской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки" (Памятник в честь Кюль=тегина, малая надпись, стк.4). "Стеснения", которые пережил тюркский эль в последние годы правления Капагана отнесены не только за счет "неразумного" поведения и "измена" подданных, но и за счет "теперешней порчи" самого кагана. Еще более уничижительно рисуется Капаган в надписи Тоньюкука. Иначе говоря, в более завуалированной форме (речь идет о недавней междоусобице!) повторено противопоставление между "мудрыми" и "неразумными" правителями.

Очевидно, что облик того или иного кагана характеризовался надписью по результатам его деятельности на пользу аристократического и иерархического тюркского эля, т.е. в соответствии

с социальной сверхзадачей эпитафийного текста и политической тенденциозностью его автора. Вступая в противоречия друг с другом, споря в оценках и выводах, авторы орхонских надписей соперничают друг с другом в точности и убедительности описания событий, представлявшихся им главными в недавней истории тюркского эля. Именно поэтому орхонские надписи подлинно историчны. Их лапидарность огорчительна, а селективность неизбежна. Их политическая тенденциозность не только не умаляет, а, напротив, повышает значение надписей как исторического источника, так как сооставление программных деклараций и дискуссионных суждений позволяют ясно обозначить социальные конфликты и политические противоречия в государстве древних тюрков.

В. Н. Кобец

ФУКУДЗАВА ЮКИТИ О СУЩНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Одной из определяющих черт деятельности японского правительства в первые годы после переворота Майдзи (1867-1868) явилась попытка перестройки экономической, социальной, политической и административной деятельности государства по образцу, существующему в странах Запада. "Государство будет богатым, сильным и спокойным лишь тогда, когда во все области жизни страны проникнет современная мировая цивилизация"¹, — гласила официальная точка зрения.

Однако общественное мнение не было так однозначно. Блага цивилизации многим представлялись сомнительными, ибо конкретные представители Запада, прежде всего, купцы и предприниматели были весьма далеки от идеала цивилизованного и просвещенного человека. Идеализируя западную цивилизацию, японцы стремились сию минуту найти зримое воплощение своего идеала, а не находя, разочаровывались. "Они смотрят на современное состояние цивилизации как на некую завершенность, не осознают величия достигнутого прогресса, не осознают и того, что современная цивилизация еще не дошла до середины на пути своего потенциального развития. Как же можно стремиться увидеть здесь и сейчас картину